

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Воскресенье 11 сентября 1916 года.

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію 5 р.

50 к. За полгода 3 р.

№ 37

Адресъ Редакціи:

Воронежъ. Духовная
Семинарія.

Отъ Правленія Воронежской Духовной Семинаріи.

Правленіе Воронежской Духовной Семинаріи симъ имѣть просить родителей и опекуновъ воспитанниковъ Воронежской духовной семинаріи, вступившихъ въ текущую войну въ ряды дѣйствующей арміи добровольцами или мобилизованными по призывамъ, прислать и присылать по возможности подробныя и точныя свѣдѣнія, кто изъ нихъ (воспитанниковъ) и при какихъ военныхъ обстоятельствахъ палъ на полѣ брани или отличился въ дѣлахъ противъ непріятеля и если получилъ боевыя награды, то какія и за что.

Вмѣстѣ съ симъ необходимо присылать и біографіи цавшихъ и отличившихся на полѣ брани питомцевъ Семинаріи.

Отъ Редакціи.

Объявленія принимаются только позади текста. Цѣна за строку петита по 30 коп. За разсылку при Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ отпечатанныхъ объявленій взимается 10 руб.

Объявленія постранично печатаются по раздѣлкѣ: 1 стр. 10 р., $\frac{1}{2}$ стр. 5 руб., $\frac{1}{4}$ стр. 3 руб. При многократномъ печатаніи объявленія дѣлается скидка.

За перемѣну адреса и напечатаніе его редакція проситъ присылать 20 коп. почтовыми марками.

Редакція проситъ не присылать длинныхъ статей, неудобныхъ для печатанія въ еженедѣльномъ журналѣ. Авторы сами должны позаботиться о томъ, чтобы большую статью *на жизненную тему* можно было раздѣлить на нѣсколько отдѣльныхъ, по возможности, законченныхъ этюдовъ, съ особыми заглавіями и обозначать это въ самой рукописи.

Рукописи, присылаемые въ редакцію для напечатанія, должны быть написаны разборчиво и четко, на одной страницѣ каждаго листа. Неразборчиво переписанныя статьи не подвергаются разсмотрѣнію.

Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ могутъ быть уничтожены, мелкія же изъ нихъ уничтожаются немедленно. Письменные объясненія по поводу корреспонденцій и статей, неудобныхъ къ печати, для редакціи не обязательны.

Рукописи, доставляемые безъ обозначенія условій, *считаются бесплатными* и поступаютъ въ полное распоряженіе редакціи.

Авторы, желающіе имѣть отдѣльные оттиски своихъ статей, заявляютъ о томъ на самой *рукописи*, при чемъ оттиски могутъ быть изготовляемы за особую плату по счету типографіи.

Представляемые въ редакцію для напечатанія на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей отчеты могутъ быть принимаемы къ напечатанію за особую плату, по счету типографіи.

Авторы, желающіе получить свои рукописи обратно, благоволятъ прислать нужное количество марокъ и точный адресъ.

По усмотрѣнію редакціи, рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, не согласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

— ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ. —

11 СЕНТЯБРЯ.

№ 37

1916 ГОДА.

ПОУЧЕНІЕ

въ 16-ю недѣлю по Пятидесятницѣ.

Матѣ. 25, 14—30.

Въ нынѣ чтенной Евангельской притчѣ говорится о талантахъ, которые Господинъ ввѣрилъ рабамъ своимъ, отправляясь въ далекую страну съ тѣмъ, чтобы они съ пользою употребили оныя и сдѣлали на нихъ приобрѣтеніе. Одному онъ далъ *пять талантовъ*, другому *два* и третьему *одинъ*, — *каждому противу силы его*, замѣчается въ Евангеліи. По долгомъ времени, возвращается Господинъ и требуетъ отчета отъ рабовъ во ввѣренныхъ имъ талантахъ. Принявшій пять талантовъ принесъ другіе пять талантовъ, говоря: *пять талантовъ далъ ты мнѣ; вотъ другіе пять талантовъ приобрѣлъ на нихъ: Добръ рабе благодѣи и вѣрный*, сказалъ Господь: *о малъ былъ еси вѣренъ, надѣ многими тя поставлю*, вниди въ радость Господина твоего. Точно

также сдѣлалъ и тотъ, который получилъ два таланта и то же одобрительное слово услышалъ отъ Господина. Пріавшій же одивъ талантъ закопалъ полученное серебро въ землю, и въ оправданіе такого поступка своего сказалъ: я зналъ, что ты жестокий человекъ, жнешь и идѣже не сѣялъ и собираешь и идѣже не расточилъ еси. Но Господь произнесъ о немъ слѣдующій праведный судъ: *раба лукавый и лѣнивый, если ты зналъ, что я жну, гдѣ не сѣялъ и собираю, гдѣ не расточалъ, то долженъ былъ отдать мое серебро торжникамъ, и я, пришедъ, взялъ бы свое съ лихвою. По сему возьмите отъ него талантъ и отдайте имущему десять талантовъ и неключимаго раба вверзите во тѣмную кромѣшную: ту будетъ плачь и скрежетъ зубовъ.*

Для всякаго, думаю, понятно, кто въ сей притчѣ разумѣется подъ образомъ Господина и рабовъ, получившихъ отъ него таланты.—Господинъ—это Господь—Творецъ и Спаситель нашъ, ущедрившій насъ многими естественными и благодатными дарами, а рабы—это каждый изъ насъ, получившій отъ него большее или меньшее число талантовъ для приумноженія ихъ чрезъ духовное дѣланіе. Безчисленны и разнообразны дары Божіи! *Щедроты Его бездна многа*, говоритъ слово Божіе. Первый и величайшій изъ даровъ благодати Божіей есть жизнь—созданіе насъ по образу и по подобію Божію. Что можетъ быть выше и драгоценнѣе сего дара? *Малымъ чимъ умалилъ его отъ Ангелъ, славою и честію въталъ его*, говоритъ о человекѣ царь и пророкъ Давидъ. Но что дѣлаемъ мы изъ жизни? Для Бога ли и преспѣянія въ добродѣтели мы живемъ? Не въ суетѣ ли мірской и лѣности духовной мы большею частью иждиваемъ свою жизнь? Дѣлаемъ ли изъ сего многоцѣннаго таланта какое либо приобрѣтеніе по волѣ Даятеля всѣхъ благъ Бога? Не закапываемъ ли оный напротивъ

въ тинѣ грѣховной или по меньшей мѣрѣ въ землѣ однихъ низменныхъ житейскихъ дѣлъ и трудовъ, ничего не приобретающая для вѣчной Сокровищницы? Что же можемъ заслужить отъ Господа, кромѣ наименованія *рабовъ лукавыхъ и лѣнивыхъ*? Мы одарены разумомъ, отличающимъ насъ отъ всѣхъ прочихъ тварей, и могущимъ возноситься выше земнаго и постигать пренебесныя тайны. Но что мы дѣлаемъ изъ сего таланта? Не къ земнымъ ли предметамъ почти исключительно устремлены наши мысли и вся умственная дѣятельность? Много ли мы думаемъ о Богѣ, о вѣчной жизни, о страшномъ судѣ, о безсмертіи души, о ничтожествѣ и тлѣнности всего земнаго, о величій благъ небесныхъ, уготованныхъ любящимъ Бога, и о средствахъ къ достиженію оныхъ? Кажется всего менѣе. Не значить ли это зарывать въ землю талантъ разума?

Мы получили волю, способную творить добро и восходить отъ силы въ силу по лѣстницѣ духовнаго совершенства и такимъ образомъ уподобляться Богу, но мы склоняемъ волю нашу большею частію ко всему злomu и порочному и любимъ ходить въ похотяхъ сердець нашихъ, суетѣ повинемся и оказываемся слабыми и малодушными въ борьбѣ со грѣхомъ, въ насъ живущимъ, и съ виновникомъ грѣха—дѣяломъ. Кому же это свойственно, какъ не лѣнивымъ и лукавымъ рабамъ? Въ церкви благодатной мы сподобились многихъ и превеликихъ дарованій. Черезъ св. крещеніе мы возродились духовно; черезъ причащеніе Святыхъ Животворящихъ Таинствъ мы дѣлаемся причастниками Божественнаго естества, черезъ прочія Таинства мы освящаемся также по душѣ и тѣлу. Но дорожимъ ли мы этими дарами, хранимъ ли ихъ цѣлыми и невреденными? о, если бы хотя сіи неоцѣненные таланты мы не скрыли въ землѣ безопасности духовной и пристрастій земныхъ, а потщались бы сдѣлать изъ нихъ достойное употребленіе и усугубить

ихъ подвигами добродѣтельной и Богоугодной жизни, чтобы каждый изъ насъ, когда наступитъ день воздаянiя и отчета въ употребленiи данныхъ намъ отъ щедраго Бога талантовъ, могъ услышать отъ Него сей сладчайшiй гласъ: рабе благiй и вѣрный! о малѣ былъ еси вѣренъ; надъ многими ты поставлю. Вниди въ радость Господа Твоего.

Конспекты лекцiй по Закону Божию,

читанныхъ законоучителемъ второй Воронежской мужской гимназiи прот. Евграфомъ Овсянниковымъ на лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ въ г.г. Новохоперскѣ, Нижнедѣвцкѣ, Бобровѣ и Острогожскѣ, Воронежской губ.

Лекцiя первая.

Жизненно-практическое значенiе Закона Божiя. Религiя, какъ духовный союзъ между Богомъ и человекомъ, какъ выраженiе присущаго человѣческой душѣ стремленiя къ абсолютному и безусловно совершенному Существу—Богу, есть фактъ изначальный и всеобщiй. Въ глубокой древности фактъ всеобщности религiи засвидѣтельствованъ въ сочиненiяхъ Платона и Аристотеля, утверждавшихъ что на землѣ „нѣтъ ни одного народа безбожнаго“, Сенеки, Цицерона, историка Плутарха и др. Миссiонеры разныхъ христіанскихъ странъ единогласно свидѣлствуютъ о томъ, что у всѣхъ, даже самыхъ дикихъ народовъ, мало чѣмъ отличающихся своимъ бытомъ отъ животныхъ, можно найти болѣе или менѣе замѣтные слѣды религiозныхъ вѣрованiй. То же самое подтверждаютъ и новѣйшіе путешественники натуралисты: знаменитый Гумбольтъ въ своемъ „Космосѣ“, Вайцъ, Вундтъ, Циммерманъ, и др. Только поверхностныя наблюденiя нѣкоторыхъ путешественниковъ не могли открыть

у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ признаковъ присутствія религіозныхъ вѣрованій по плохому знакомству ихъ съ языкомъ дикарей, для которыхъ, по неразвитости ихъ языка, трудно выразить религіозныя ихъ идеи, или потому, что дикари не хотѣли имъ сообщать своихъ религіозныхъ вѣрованій, или потому, что эти путешественники считали за единственно существующую и достойную имени религіи только религію христіанскую. Такъ объясняютъ поверхностныя утвержденія этихъ путешественниковъ о безрелигіозности нѣкоторыхъ дикихъ племенъ: корифей современной филологіи Максъ Мюллеръ и спеціалистъ по изученію религіи народовъ Тейлоръ.

Нѣтъ и атеистовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Почти всѣ безбожники изъ числа ученыхъ и философовъ, отвергая общечеловѣческаго Бога, замѣняютъ его какимъ-нибудь подобіемъ его, напр., идеей міра, или силы и матеріи, душой міра, идеальнымъ разумомъ (культъ разума во время великой Французской революціи), или челоувѣчествомъ Конта и Фейербаха, или социализмомъ, или сверхчелоувѣкомъ у Ницше и т. п., каковое подобіе Бога они надѣляютъ всѣми свойствами и признаками Божества, къ каковому нерѣдко относятся съ такимъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ, каковое вполнѣ соотвѣтствуетъ религіозному отношенію къ личному Богу. По словамъ Ф. М. Достоевскаго, „наши (русскіе) не просто становятся атеистами, а непременно увѣруютъ въ атеизмъ, какъ бы въ новую вѣру, никакъ не замѣчая, что увѣровали въ нуль“ (Идіотъ).

Ощущеніе, хотя и неясное и превратное, бытія Божія столь глубоко вѣдрезно въ нашу духовную природу, что невозможно челоувѣку отрѣшиться отъ мысли о томъ, что Богъ существуетъ, и совершенно и безповоротно утвердиться въ отрицаніи Бога. Часто люди, отвергая Бога разсудкомъ, принимаютъ его сердцемъ. Религія есть не только

всеобщій фактъ въ человѣчествѣ, но и безусловно необходимый факторъ его мысли и жизни. Основа, корень религіи не въ чемъ либо случайномъ и переходящемъ, а въ самыхъ глубинахъ нашей природы. Религія, по словамъ профессора Глаголева, есть неотъемлемая „аксіома сознанія“.

Религіи и жизнь. Все цѣнное въ жизни человѣка и вселенной является выраженіемъ и осуществленіемъ четырехъ величайшихъ идей—идеи Бога, идеи добра, идеи истины и идеи красоты. Всѣ три послѣднія идеи имѣютъ свой корень въ идеѣ Бога, такъ какъ Богъ является совокупностью высочайшихъ добра, истины и красоты. Будучи подчинены идеѣ Бога, идея добра, истины и красоты такъ соподчинены между собою: идея красоты подчинена идеѣ истины, а идея истины и красоты идеѣ добра или блага. Отсюда понятное всеобщее и единоедушное признаніе въ наше время и художниками (Чеховъ въ „Дядѣ Ванѣ“ словами Сони, М. Горькій въ соч. „На днѣ“ словами Луки, Леонидъ Андреевъ въ его произведеніи „Къ звѣздамъ“, „Савва“, „Жизнь человѣка“), публицистами (Луначарскій, Юшкевичъ) и философи всѣхъ направленій (В. С. Соловьевъ, кн. Трубецкій, Лопатинъ, Бердяевъ и даже Ницше: „Бога мы убили, Бога!“ стонетъ безумецъ у Ницше) того положенія, что безъ вѣры религіозной и безъ религіи человѣку жить нельзя, безъ нея нѣтъ счастья, нѣтъ смысла въ жизни и цѣли въ бытіи всего. Каждый человѣкъ долженъ познать свою природу въ разнообразныхъ сторонахъ ея, познать свое назначеніе, смыслъ своего существованія, опредѣлить свои отношенія къ высшему міру идей добра, истины и красоты, понять слѣды безконечнаго въ конечномъ; каждый человѣкъ только тогда осмыслитъ свое существованіе, когда отвѣтитъ на вопросы задаваемые дикому морю любознательнымъ юношей поэта Гейне:

Въ чемъ смыслъ человѣка?
Зачѣмъ онъ живетъ?
Откуда для жизни сюда онъ идетъ?
Куда онъ по смерти уходитъ?
И кто мірозданію законы дать могъ?
И кто эти звѣзды на небѣ зажегъ?
И кто хороводы ихъ водить?

Точная наука имѣетъ громадную компетенцію въ области опыта и наблюденія. Но въ рѣшеніи вопросовъ метафизическихъ о происхожденіи, сущности, смыслѣ и концѣ всего существующаго эта наука безсильна. Физикъ профессоръ Ветгемъ совѣтуетъ всегда „помнить объ ограниченности нашего знанія“, химикъ Тандалъ свидѣтельствуетъ, что „не дѣло науки разрѣшать вопросъ о причинѣ міра“. Англичанинъ Табрумъ опросилъ громадное количество англійскихъ и американскихъ ученыхъ о необходимости религіи и о противорѣчій ея наукѣ, и въ книгѣ „Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ“ (Москва 1912 г.) опубликовалъ ихъ отвѣты, почти единогласно утверждавшіе необходимость вѣры для жизни и о непротиворѣчій религіи наукѣ. По словамъ химика Либиха, вѣру отрицаютъ лишь тѣ, которые хватаютъ верхушки естественныхъ наукъ. По словамъ Брюйэра, „нельзя найти человѣка трезваго, умѣреннаго, цѣломудреннаго, справедливаго, который отрицалъ бы, что Богъ существуетъ“. И само знаніе, по требованію внутренней природы своей, и наука, по увѣренію самыхъ горячихъ ея адептовъ, не могутъ обойтись безъ вѣры (Фламмаріонъ, Пироговъ и др.). Вѣра эта, скрываемая въ ея психологической и логической сторонахъ, не есть только предположеніе и не есть плодъ естества, а есть твердая, крѣпкая увѣренность и есть необходимѣйшее свойство, потребность всякаго человѣка вообще. Религіозная вѣра есть одно лишь частное обнаруженіе вѣры вообще, лежащей въ

основѣ всѣхъ наукъ, и потому безъ нея ни одинъ человѣкъ не можетъ обойтись: она есть требованіе его природы. Поэтому въ жизни человѣка, для его душевнаго счастья, религія безусловно необходима; счастья быть не можетъ, если человѣкъ не чувствуетъ себя мирноспокойнымъ, а это въ свою очередь возможно лишь при уясненіи вопроса о смыслѣ жизни цѣли своего существованія. Постоянно говоря человѣку объ истинномъ, добромъ, прекрасномъ, религія невольно въ сердцѣ человѣка, особенно дитяти, порождаетъ любовь ко всему этому. Говоря человѣку о будущей жизни и о жизни добрыхъ людей и святыхъ, религія тѣмъ самымъ убѣждаетъ его съ сильною настойчивостью избѣгать всякаго зла и избрать благо, направляетъ волю человѣка къ добру. Въ силу этого, въ настоящее время всѣ стремленія должны быть направлены въ тому, чтобы изучать религію и своихъ дѣтей воспитывать въ истинахъ ея. И наука, и беллетристика, и публицистика направляются въ сторону призыва къ религіи. Поэтому изученіе въ школѣ дѣтьми закона Божія, говорящаго о Богѣ, о жизни по Божьему, является дѣломъ первостепенной важности. Законъ Божій долженъ не только изучаться въ школѣ, но долженъ стоять, по всей справедливости, на первомъ мѣстѣ среди другихъ предметовъ учебнаго курса школы. Преподавать законъ Божій должно съ полнымъ сознаніемъ всей его важности и центрального положенія его среди другихъ предметовъ начальной школы. И признакомъ отсталости отъ направленія времени должно считать оставленіе вѣры и уходъ отъ нея.

Вѣра христіанская въ своемъ основномъ содержаніи доступна ли пониманію для дѣтскаго ума? Вопреки утвержденію немногихъ педагоговъ, пытающихся доказать необходимость начинать религіозное обученіе и воспитаніе въ зрѣлые годы, когда разовьется у ребенка самосознаніе и сво-

бода, большинство педагоговъ и психологовъ доказываютъ необходимость начинать религіозное обученіе и воспитаніе съ самыхъ первыхъ дней сознательной жизни дитяти. По отзывамъ большинства психологовъ и педагоговъ, у дитяти въ раннемъ его возрастѣ особенно развиты и въ общемъ строю его душевной жизни выукло выступаютъ: 1) область чувствованія и 2) пытливость ума. По словамъ Друммонда, чувствительность представляетъ собою нормальное дѣтское свойство („Введеніе въ изученіе души ребенка“). О пытливости ума Дж. Селли пишетъ: „умъ мальчика (6—7 лѣтъ) старается понять устройство и ходъ машинъ, въ томъ числѣ и этой большой машины міра“. По утверженію Дж. Селли, съ четвертаго года у дѣтей начинается періодъ вопросовъ—первый вопросъ: что это, какъ называется? потомъ вопросъ: почему, отчего? относятся къ сокровеннѣйшей сущности вещей и къ ихъ абсолютному началу („Очерки по психологіи дѣтства“). Эти двѣ особенности душевной жизни дитяти дѣлаютъ дитя приспособленнымъ къ воспріятію религіозныхъ истинъ, роднятъ его съ тѣмъ, что является сущностію всякой религіи, и тѣмъ болѣе христіанской. Сущность христіанства, съ одной стороны, состоитъ въ томъ, что оно даетъ прямые, категоричные, опредѣленные отвѣты на вопросы о бытіи и человѣкѣ, о сущности вещей и явленій, а съ другой, оно есть обращеніе, призывъ къ сердцу человѣка, къ его чувству. Поэтому естественно признать, что христіанство даетъ уму и сердцу дитяти пищу самую подходящую, соотвѣтствующую потребностямъ его духовнаго организма. Профессоръ Сикорскій пишетъ: „чувство религіозное—одно изъ самыхъ естественныхъ чувствъ дитяти и пренебреженіе развитіемъ этого чувства было бы равносильно игнорированію или непризнанію естественныхъ законовъ развитія человѣческой души“ („Душа ребенка“). Конечно, нѣкоторыя истины христіанства еще не поняты уму

ребенка. Но и сообщать ихъ приходится не сразу же и не всѣ вдругъ, а съ мудрой постепенностью и по мѣрѣ усвоенія ихъ. Столь же непонятны уму ребенка и нѣкоторыя положенія другихъ предметовъ, напримѣръ вращеніе земли, солнца, таблица умноженія и др. однако же никто не станетъ доказывать ненужность сообщенія ихъ дѣтямъ. Къ тому же, дѣля преподаванія закона Божія заключается не въ сообщеніи наибольшей суммы знаній или введеніи дитяти въ пониманіе всей глубины спасительныхъ истинъ, а въ наученіи ихъ вѣрѣ и жизни по вѣрѣ. А для этого, по словамъ одного нѣмецкаго педагога, отнюдь не требуются совершенныя, ясныя и полныя понятія. Они могутъ быть даже смутными, лишь бы не были они ложными и неправильными. Нѣтъ рѣшительной необходимости въ томъ, чтобы дитя подъ словами катехизиса мыслило все то, что мыслить зрѣлый человѣкъ или богословъ. Всѣ представленія и понятія у человѣка въ началѣ несовершенны, неполны, смутны: ночь только спустя, долгое время, изъ мрака получаетъ свѣтъ, и слово не сразу получаетъ содержаніе и жизнь. Къ тому же и опытъ показываетъ, что и смутныя представленія часто производятъ глубокое и продолжительное впечатлѣніе на человѣческое сердце. А въ сердцѣ-то и коренится жизнь религіозная (Нозеръ. *Методика Закона Божія*“, стр. 33—34). Поэтому остается только послушаться великаго педагога Кельнера, обращающагося къ учителямъ съ такимъ призывомъ: „влагай, учитель, въ ребенка сѣмена, которыя хотя въ началѣ и покоятся въ немъ безсознательно, и однако же въ свое время взойдутъ и принесутъ отраднѣйшій плодъ“ (см. у Нозера стр. 34). Другой нѣмецкій психологъ Гей пишетъ: „Должны же дѣти 4—7 лѣтъ слышать о Богѣ и предметахъ Божественныхъ. О, положи руку на сердцѣ, никому не позволяйте сбить Васъ съ толку въ этомъ отношеніи. Что здѣсь непонятнаго разуму дѣтскому, то останет-

ся навсегда непонятнымъ и нашему разуму, именно потому, что оно сверхъестественно. Въ это мы должны вѣровать. Въ такомъ случаѣ дозвольте дѣтямъ нашимъ вѣровать вмѣстѣ съ Вами. Вѣдь они ежедневно, на основаніи вашихъ словъ, принимаютъ же на вѣру тысячу разнаго рода вещей, которыхъ вы еще не можете и не желаете объяснить“ (см. у Нозера стр. 35).

Возраженія противъ необходимости начинать съ самаго ранняго возраста религиозное обученіе и воспитаніе дѣтей не состоятельны. Ж. Ж. Руссо въ своемъ „Эмилѣ“ требуетъ, чтобы религиозное обученіе не начиналось ранѣе 16-го года, къ какому требованію приводитъ его основоположеніе, будто *ребенку нельзя ничего говорить ни о чемъ такомъ, чего онъ не понимаетъ*. По стопамъ Руссо пошелъ Базедовъ, требующій не начинать преподаванія естественной религіи прежде, чѣмъ ученики созрѣютъ настолько, что будутъ понимать то, что слышать, и утверждающій, что приучать ребенка къ молитвѣ нельзя, такъ какъ онъ не понимаетъ молитвенныхъ выраженій и не способенъ къ тѣмъ ощущеніямъ, какія имѣетъ въ виду пробудить молитва. Подобныхъ взглядовъ держатся и нѣкоторые католическіе катехеты (Методика Нозера, стр. 30—31). Но „опытъ показываетъ, что дѣти молятся охотно, если ихъ къ тому приучаютъ. Молитвенное настроеніе похоже на цвѣтокъ подснежника, который всходитъ въ первые весенніе дни, и позднѣе едва ли уже распускается. Духъ Святой во время крещенія насадилъ въ сердце ребенка цвѣтокъ молитвы; коль скоро солнце вѣры прольетъ въ дѣтское сердце первые свои лучи, цвѣтокъ этотъ и нужно возвращать и беречь, иначе онъ погибнетъ навсегда. Впрочемъ, въ дѣлѣ молитвы самое главное—возвышеніе сердца къ Богу. А къ этому невинное дитя способиѣе взрослога человѣка, настроеніе и сердце котораго часто отклоняется отъ Бога и склоняет-

ся къ землѣ. Поэтому-то священное писаніе и говоритъ: „Изъ усть младенцевъ и грудныхъ дѣтей ты устроилъ хаалу“ (Пс. 8, 31, Матѳея 21, 16). Достаточно если молящійся ребенокъ понимаетъ одно то, что нами управляетъ Нѣкто Высшій, предъ Которымъ всѣ должны преклонить свои колѣна“ (Нозеръ, тамъ же стр. 33). Дѣти владѣютъ чрезвычайною способностью пониманія въ отношеніи религіозныхъ истинъ. Справедливо пишетъ Альбанъ Штольцъ: „по свитѣтельству опыта, дѣти чрезвычайно скоро, уже съ двухъ лѣтъ, и еще прежде, проявляютъ способность и расположеніе къ религіознымъ предметамъ, если идти къ нимъ навстрѣчу съ этими предметами. Причина этого явленія, съ одной стороны, высказана въ словахъ Тертуллиана: „душа отъ природы христіанка“; съ другой, заключается она въ таинственной дѣятельности Св. Духа“. Достойны вниманія прекрасныя слова Мея: „если возражаютъ, что столь юные ученики не способны къ пониманію сверхчувственнаго, то при этомъ забываютъ, что дѣти приняли то таинство, которое въ древней церкви столь охотно называлось „просвѣщеніемъ“. Подаваемое Святымъ Духомъ просвѣщеніе производитъ то, что иной ребенокъ съ хорошими способностями и необразованная крестьянка имѣютъ относительно возвышенныхъ ученій христіанской вѣры повиманіе болѣе ясное, глубокое и спасительное, нежели именитый ученый. Теплота и глубина сверхъестественной вѣры зависятъ отъ человѣческой дѣятельности лишь въ слабой степени; онѣ преимущественно суть плодъ Божественной благодати“ (тамъ же стр. 34—35). По словамъ св. Іоанна Златоуста, „откладываніе религіознаго образованія имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что сердца дѣтей ожесточаются, кои становятся подобными отцамъ ихъ, роду упорному и мятежному, неустроенному сердцемъ и невѣрному Богу духомъ своимъ“. (Тамъ же стр. 32). По словамъ св. Василия Великаго,

„пока еще душа мягка и гибка, какъ воскъ, въ это время и должно ее приучать къ упражненію во всемъ добромъ“.

„Легко можетъ и случиться, что человѣкъ, въ дѣтствѣ неознакомленный съ существенными пунктами христіанской жизни, уже никогда не получитъ о нихъ достаточнаго понятія“.

„Зеленая вѣтвь, привитая къ сухому стволу, не можетъ ни цвѣсти, ни приносить плодовъ“ (Штернеръ).

Архіепископъ Харьковскій Амвросій въ своемъ словѣ „О начальныхъ приемахъ христіанскаго воспитанія“ приводитъ такія глубокія соображенія въ доказательство необходимости начинать религіозное обученіе и воспитаніе дѣтей съ самаго ранняго возраста: „Основное начало человѣческой нравственности есть вѣра въ Бога. Органъ духа нашего, которымъ усваивается эта вѣра, есть сердце. Жизнь сердца шире жизни умственной. Оно пробуждается раньше ума, и не мыслями, не понятіями, а впечатлѣніями. Св. Апостоль Павелъ говоритъ о цѣлыхъ народахъ, что Богъ поселилъ каждый изъ нихъ въ своемъ мѣстѣ и окружилъ благами и красотами природы съ цѣлью, не ощутятъ ли Его и не найдутъ ли Его, хотя Онъ недалеко отъ каждаго изъ насъ. Если цѣлые народы въ извѣстной странѣ должны сначала ощутить Бога, какъ благодѣателя, потомъ найти Его по слѣдамъ дѣлъ Его, и затѣмъ уже возвышаться умомъ въ познаніи Его, то тѣмъ болѣе этимъ путемъ богопознанія должны идти дѣти въ семействѣ, которое составляетъ для нихъ весь міръ. И какъ облегченъ этотъ способъ богопознанія въ области Божественнаго откровенія въ Православной Церкви! Мать—христіанка, даже не получившая никакого научнаго образованія, становится учителемъ богопознанія для дитяти съ самаго его рожденія. Принявъ его отъ купели крещенія съ вѣрою, что онъ есть чадо Божіе, возрожденное, она наблюдаетъ, чтобъ оно не оставалось ни на минуту безъ св. креста, возложеннаго на него при кре-

щеніи; она передъ глазами дитяти прикрѣпляетъ къ колыбели св. икону; она призываетъ къ нему Ангела хранителя. Едва покажутся въ глазахъ дитяти первые признаки сознанія, едва начнетъ языкъ его намекать первыя слова, она подноситъ его къ кивоту, освѣщенному лампадою, и, указывая на икону Спасителя, говоритъ ему: „это Богъ“. И счастливо дитя, которое вмѣстѣ съ первыми рѣченіями, доступными для его языка, усвоить это святое и достопоклоняемое имя. Отъ этого простаго приѣма происходитъ то, что многіе христіане не запомнятъ времени, съ котораго образъ Спасителя сталъ для нихъ любезнымъ. И какое великое приобрѣтеніе—полюбить Его съ младенчества! Любовь направляется не къ какому-нибудь вымышленному искусственному изображенію божества, отъ котораго впоследствии еще нужно будетъ отвлекать умъ человѣка къ чистому представленію о Богѣ; нѣтъ, это истинный образъ Божества, снисшедшаго во плоти къ человѣчеству и сдѣлавшагося доступнымъ даже для дѣтскаго созерцанія: это Богъ! Предъ Нимъ дитя будетъ приносить свои первыя молитвы, предъ Нимъ, по возрастѣ, будетъ исповѣдывать свои грѣхи, предъ Нимъ будетъ проливать слезы и просить помощи въ скорбяхъ жизни, на Него будетъ съ упованіемъ взирать на смертномъ одрѣ, къ Нему, Богу позванному съ младенчества, оканчивая земную жизнь, будетъ стремиться въ вѣчность. Это первое истинное представленіе о Богѣ, заложенное въ чистое воображеніе дитяти, мать пополняетъ и поясняетъ изображеніями Богоматери и святыхъ Божіихъ, съ посильными изъясненіями ихъ значенія. Все это предъ взоромъ возрастающаго дитяти въ храмѣ, куда его часто носить для приобщенія св. Таинъ, постепенно разворачивается въ полную картину священныхъ предметовъ и знаменій вѣры, производящихъ свойственное имъ впечатлѣніе на чистое дѣтское сердце. Мы помнимъ только, что въ раннемъ дѣт-

ствѣ наши сердца проникались благоговѣніемъ, когда благоговѣнно молились всѣ стоящіе въ храмѣ; мы помнимъ чувство чистаго умиленія, обывавшее насъ въ великіе праздники и особенно во дни Страстной седмицы; мы помнимъ, какъ радостно трепетали сердца наши въ Свѣтлый день Пасхи. Мы знаемъ, что съ этихъ поръ запечатлѣлись не въ памяти только, но и въ сердцахъ нашемъ главнѣйшія событія изъ жизни Спасителя, что съ этихъ поръ знакомы намъ чистыя молитвенныя расположенія и любезнѣе храмъ Божій. А все это вмѣстѣ взятое—великое приобрѣтеніе; это опыты зараждающейся духовной жизни и святыя ощущенія общенія съ Богомъ. И кто не приобрѣлъ этихъ духовныхъ сокровищъ въ дѣтствѣ, тотъ едва ли приобрѣтетъ ихъ. Чувствъ сердечныхъ втолковать нельзя; любви къ Богу нельзя выучиться по учебникамъ. Пока просвѣщенные родители, чуждающіеся этихъ пріемовъ первоначальнаго христіанскаго воспитанія, ожидаютъ въ своихъ дѣтяхъ пробужденія ума и сознанія, пока признаютъ ихъ способными слушать уроки закона Божія, воображеніе дѣтей такъ засорится представленіями земныхъ, а иногда нечистыхъ предметовъ, ихъ сердца столько приобрѣтутъ разныхъ склонностей, что чистыя духовныя представленія и чувстваванія будутъ не по вкусу ихъ одичавшимъ душамъ“ (Проповѣди Амвросія архіепископа Харьковскаго, стр. 25—27). Тѣмъ, кто отвергаетъ необходимость религіознаго обученія и воспитанія дѣтей въ раннемъ возрастѣ, нужно помнить слова Спасителя, сказанныя Его ученикамъ, не допустившихъ дѣтей, чтобы Онъ прикоснулся къ нимъ: „пустите дѣтей приходити ко Мнѣ и не препятствуйте имъ, ибо таковыхъ есть Царство Божіе; истинно говорю вамъ: кто не приметъ Царства Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него“ (Марка 10, 13—15).

(Продолженіе будетъ).

Благочиннической Сѣздъ 2-го округа Нижнедѣвцакого уѣзда.

25 августа с. г. въ селѣ Семидесятомъ (Нижнед. у.) состоялось собраніе духовенства 2-го округа Нижнедѣвцакого уѣзда съ представителями отъ прихожанъ. На собраніи, въ виду ожидаемой реформы прихода, обсуждались предварительныя мѣропріятія къ воспріятію и проведенію реформы въ жизнь. Главное вниманіе Собраніемъ обращено было на обслѣдованіе причинъ ненормальныхъ явленій въ церковно-приходской жизни, а особенно—удѣлено было на выясненіе отношеній по мѣстамъ между пастырями и пасомыми, какъ тормазакъ на пути къ оживленію церковно-приходской жизни. Представители отъ прихожанъ въ одинъ голосъ заявили, что корень—причина зла недобрыхъ, нехристіанскихъ отношеній лежитъ единственно и исключительно въ современномъ способѣ содержанія духовенства въ равной мѣрѣ тягостнымъ для обоихъ сторонъ. Съ устраненіемъ данной причины, какъ главнаго тормазакъ во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ и начинаніяхъ въ приходской жизни, по единогласному призванію представителей, уничтожатся всякія тренія и послѣдуетъ желательное единеніе между пастырями и пасомыми и церковно-приходская жизнь сама собою улучшится. И всѣ дальнѣйшія мѣропріятія къ упорядоченію и оживленію церковно приходской жизни получаютъ самое быстрое примѣненіе и займутъ устойчивое положеніе. Безъ устраненія же данной причины никакая реформа не поможетъ дѣлу оживленія приходской жизни и возрожденію православной вѣры.

Рѣшеніе вынесено—замѣнить возможно скорѣй настоящій способъ содержанія—жалованьемъ.

Священникъ Григорій Лебедевъ.

Изъ впечатлѣвій на фронтѣ.

Это было во вторую половину июня. Послѣ долгаго затишья, прерываемаго лишь рѣдкими одиночками выстрѣлами съ нашихъ батарей, да обычнымъ обстрѣломъ нѣмецкихъ аэроплановъ въ N... корпусѣ, къ которому былъ прикомандированъ нашъ с.-п. отрядъ, начали глухо поговаривать о готовящемся наступленіи. Скоро стало извѣстно, что оно будетъ имѣть главнымъ образомъ демонстративный характеръ и рассчитано на то, чтобы задержать близъ озера Н. нѣмецкіе резервы.

N...ий корпусъ еще въ бояхъ подъ Варшавою стяжалъ себѣ славу безстрашныхъ бойцовъ, которые не сдаются и не отступаютъ, бьются до послѣдняго, какъ говорится, издыханія, поэтому никакихъ серьезныхъ опасеній относительно прорыва или отступленія не было, но всетаки всѣмъ организаціямъ дано было знать — быть готовыми ко всему, и лошади все время стояли въ хомутахъ, повозки были готовы къ быстрой нагрузкѣ. Началась лихорадочная работа въ санитарныхъ отрядахъ. Около насъ въ лѣсу, при фальваркѣ Г., стоялъ V-й санитарный транспортъ, и мы, новички на фронтѣ, съ интересомъ слѣдили за приготовленіями его къ предстоящей работѣ. Рано подымались „милосердные сестры“, какъ ихъ любовно называютъ солдаты, спѣшно упаковывали медикаменты, безъ конца готовили перевязочный матеріалъ; санитары осматривали двуколки, завѣдующій, А. О. Д., каждый вечеръ уѣзжалъ съ своимъ помощникомъ подыскивать мѣста для перевязочнаго пункта, знакомился съ наиболѣе удобными дорогами отъ передовыхъ окоповъ до ближайшихъ лазаретовъ.

Все дѣлалось какъ-то особенно молчаливо и тихо: никакихъ разговоровъ, никакихъ особенныхъ указаній и замѣчаній со стороны служащихъ санитарамъ.

Чувствовалось, что здѣсь находишься среди людей, которые ясно понимаютъ всю серьезность момента и готовятъ къ нему свѣшно, но умѣло и бодро.

Въ ночь подъ 19-е іюня транспортъ снялся въ фольваркъ Г., отстоящій въ 5 верстахъ отъ предстоящаго боя и отъ знакомыхъ офицеровъ мы узнали, что наступленіе готовится на завтра, 19-е іюня. Ночь подъ 19-е прошла какъ-то особенно тихо. Мы часто выходили изъ своего лѣса, въ которомъ стоялъ нашъ отрядъ, на сосѣднее поле, подымались на гору и внимательно всматривались въ сторону фронта.

Тихо, темно, — теплая звѣздная ночь. Лишь изрѣдка вспыхнетъ снопомъ прожекторныхъ лучей со стороны нѣмцевъ, быстро обѣжитъ горизонтъ и померкнетъ. Изрѣдка раздавались очередные выстрѣлы изъ нашихъ батарей, гулко отдававшіеся въ лѣсу, ясно слышался свистъ и разрывъ снарядовъ. И эта зловѣщая тишина предъ предстоящею канонадою и боемъ новодили какую-то особенную жуть. Молча возвращались мы въ свою палатку, изрѣдка перекидываясь отдѣльными фразами, и поздно улеглись спать въ тяжеламъ раздумья о завтрашнемъ днѣ.

Вотъ и этотъ день, такой ясный, тихій и теплый. Мирно виситъ „колбаса“, — привязной аэростатъ — наблюдатель, надъ сплошнымъ сосновымъ лѣсомъ, даже аэроплановъ не слышно. Въ 9-ть часовъ утра раздался первый гулкій выстрѣлъ съ нашей батареи, и мы вздрогнули, — обычно въ это время было тихо. Скоро послышался второй, третій: промежутки между отдѣльными выстрѣлами дѣлались все меньше и меньше и черезъ часъ все слилось уже въ сплошную канонаду, въ сплошной грохотъ, изъ котораго выдѣлялись лишь раскатистые выстрѣлы изъ тяжелыхъ орудій. Работа плохо спорилась въ отрядѣ, все внимательно

прислушивались, перешептывались, чувствовалось какое-то особенно нервное напряженіе. Вотъ ужъ и вечеръ и такая же тихая, теплая, безлунная ночь, а канонада не стихаетъ, только еще рѣзче слышатся отдѣльные выстрѣлы на зарѣ и свистъ быстро несущихся снарядовъ. Около 12 часовъ ночи, покончивши съ дневною работою по отряду, сѣдлаемъ мы лошадей и отправляемся въ фольваркъ Г., на перевозочный пунктъ своего V-го санитарнаго транспорта.

Выѣзжаемъ изъ лѣса въ поле. Тихо, свѣжо, небо усеяно звѣздами. Кругомъ ни звука, едва колышатся колосья созрѣвающей ржи. Сосѣднее село Б. будто все вымерло, ни въ одной хатѣ не видно огня, не слышно пѣнія пѣтуховъ, лая сабакъ. На линіи желѣзной дороги видны массивныя тѣни неподвижныхъ вагоновъ, не слышио обычнаго свиста паровозовъ. Только тамъ, въ сторонѣ фронта, бурно клокочетъ жизнь и надрывается въ страшныхъ усиліяхъ, и безпощадно коверкается и гибнетъ въ полномъ разцвѣтѣ силъ, на зарѣ многообѣщающей юности. Гулко раздается оттуда канонада, часто взлетаютъ разноцвѣтныя ракеты, почти непрерывно мечутся изъ стороны въ сторону мощныя снопы безпокойныхъ лучей прожекторовъ, слышатся ружейныя залпы, трескотня пулеметовъ. Около могильника (кладбище) съ его рѣзко выдѣляющимся высокимъ крестомъ на углу, переѣзжаемъ мы линію желѣзной дороги и въѣзжаемъ въ сплошной сосновый лѣсъ. Темъ страшная, тихо, свѣжо, лѣсъ стоитъ, какъ замороженный. Кое-гдѣ по сторонамъ чуть замѣтны землянки, пустыя коновязи. Вотъ слышалось щелканье курка и громкій окликъ часового: какой части? Отвѣчаемъ и ѣдемъ дальше. Начинаютъ встрѣчаться двуколки съ ранеными. Сдерживаемъ лошадей, всматриваемся. На козлахъ рядомъ съ санитарамъ едва замѣтны легкораненые съ перевязками на рукахъ. Внутри двуколокъ ничего не видно и не слышно ни единого слова. Ыдемъ

дальше, все чаще и чаще встрѣчаются двуколки. А вотъ и спѣшно возвращающіеся за снарядами зарядные ящики, — громоздкіе, въ 6 лошадей, гулко звенящіе цѣпами. Чѣмъ дальше, тѣмъ ихъ больше и больше и тѣмъ быстрѣе громыхаютъ они по неровной дорогѣ. Около самаго фольварка, гдѣ стояли обозы I-го разряда разныхъ полковъ, тоже тихо. Кое-гдѣ мерцаютъ фонари, слышится храпъ лошадей. Вотъ завидѣлись огоньки и на фольваркѣ Г. Фольваркъ Г. расположенъ на обѣ стороны линіи желѣзной дороги и состоитъ всего изъ 8—10 хатъ. Направо мѣстность нѣсколько выше. Между рѣдкими хатами—замаскированныя елями землянки. Налѣво тоже нѣсколько хатъ, между ними землянки, за хатами большое болото съ вырубленнымъ лѣсомъ.

При вѣздѣ въ фольваркъ, почти у линіи желѣзной дороги, небольшое братское кладбище, а дальше походная церковь изъ елей. Мы знали, что перевязочный пунктъ V-го санитарнаго транспорта находится невдалекѣ отъ церкви, и направились къ ней. Церковь едва виднѣлась. Около нея стояла, низкая, длинная халупа, во всѣхъ окнахъ которой виднѣлись огни. Это былъ передовой операционный пунктъ Краснаго креста, а рядомъ стояли 3 палатки нашего санитарнаго транспорта.

Мы слѣзли съ лошадей и привязали ихъ у ближайшей березки. У палатокъ стояло нѣсколько автомобилей Краснаго Креста и масса двуколокъ. Однѣ изъ нихъ развозили перевязанныхъ уже здѣсь раненыхъ по ближайшимъ лазаретамъ, другія привозили ихъ прямо съ поля сраженія или изъ окопныхъ перевязочныхъ пунктовъ. Мы остановились около послѣднихъ двуколокъ. Спѣшно и часто прибывали онѣ. Быстро слѣзали санитары, помогали сойти легко раненымъ, а тяжело раненыхъ выносили на носилкахъ.

Трудно было различить ихъ. Виднѣлись лишь темные

силуеты на носилкахъ съ бѣлыми, залитыми кровью, повязками. Изрѣдка слышались стоны. Раненыхъ переносили изъ перевязочной палатки въ сосѣдную землянку. Мы подошли къ ней. Длинная, высокая, безъ нарѣ, земляной полъ устланъ сѣномъ, фонарь у входа и посрединѣ, направо и налево на полу тяжело раненые. Одни лежатъ, раскинувшись, съ хриплымъ дыханіемъ, другіе мечутся и бредятъ, третьи съежились подъ своими шинелями и все дрожатъ, ясно слышится стукъ зубовъ. Сапоги все въ липкой грязи, шинель тоже, повязки залиты кровью.

Раненыхъ все подносятъ и подносятъ. Ужь и мѣста почти нѣтъ, приходится раздвигать лежащихъ, санитары спѣшно и не совсемъ осторожно дѣлаютъ это, нагупаютъ на ноги, торопливо снимаютъ вновь принесенныхъ съ носилокъ.

Вотъ они остановились надъ однимъ раненымъ, совсемъ еще юнымъ солдатикомъ, нагнулись, прислушиваются къ дыханію. „Готовъ“, говоритъ одинъ изъ нихъ, и съ умершаго спѣшно снимаютъ сапоги, вынимаютъ все изъ кармановъ, отыскиваютъ видъ, наскоро пробѣгаютъ письма, снимаютъ съ шеи какой-то зашитый мѣшочекъ...

Одно изъ писемъ начиналось такъ: „Милый и дорогой нашъ сыночекъ, Василій Гавриловичъ“!... Боже мой! Чувствуютъ ли они, эти далекіе любящіе родители своимъ наболѣвшимъ, вѣчноюющимъ сердцемъ, что случилось теперь съ ихъ милымъ сыночкомъ, какъ онъ лежитъ теперь здѣсь весь истерзанный, и не было никого, на комъ бы могъ съ любовью остановиться въ тяжелый смертный часъ его блуждающій взоръ, кто принялъ-бы отъ него послѣднее дыханіе и любящими руками нѣжно и бережно навсегда закрылъ его вѣки, покрывъ его юное страдальческое лицо скорбными поцѣлуями... Чужіе люди,—правда отзыв-

чивые, но все же далекие поднимают его, завертывают въ шинель, кладутъ на носилки и уносятъ въ покойницкую. Она тамъ, сзади алтаря небольшой походной церкви. Мы даемъ возвратиться санитарамъ и идемъ туда. Около церкви ни души, и вся она стоитъ—какая-то угрюмая и мрачная, чернѣющая своими еловыми вѣтвями. Подходимъ къ алтарю сзади, видна небольшая сосновая дверь. Отворяемъ ее, зажигаемъ спичку и невольно отшатываемся.—До самой стѣны тянется длинный рядъ покойниковъ и все какія страдальческія лица и сколько крови на этихъ бѣлыхъ повязкахъ! Быстро, съ жуткою дрожью, идемъ мы отсюда къ перевязочной. По дорогѣ останавливаемся около операціоннаго пункта Краснаго креста. У дверей толпятся санитары, то и дѣло выносить раненыхъ на носилкахъ. Мы заглянули въ окно, внутри какъ-то неловко было входить, чтобы посмотреть только на чужія страданія... Тускло горятъ лампы, видны операціонные столы, около нихъ медицинскій персоналъ въ бѣлыхъ халатахъ. Все въ постоянномъ движеніи, раненые едва замѣтны, то и дѣло слышатся рѣзкіе стоны, очевидно операція дѣлается снѣжно, хлороформировать некогда. Подходимъ къ перевязочной V-ю транспорта, санитары даютъ намъ дорогу. Внутри все знакомыя лица: женщина-врачъ, ея ближайшая помощница—медичка IV-го курса, еще 4 сестры, фельдшеръ и братъ милосердія. Направо на походныхъ стульяхъ сидятъ легко раненые. Ихъ принимаетъ пожилая сестра, жена артиллерійскаго генерала. Участиливо и бережно снимаетъ она первыя повязки, обмываетъ грязныя вспотѣвшія ноги, внимательно осматриваетъ раны, вынимаетъ пинцетомъ постороннія тѣла и осторожно забинтовываетъ. Перевязанныхъ уводятъ, отправляютъ въ ближайшіе лазареты. Налѣво стоятъ носилки съ тяжело ранеными. Они крѣпятся, сдержанно стонуть, часто просятъ пить. Носилки и повязки залиты кровью, шинели и сапоги въ лип-

кой грязи. Женщина врачъ и медичка работаютъ на два стола, въ углу стоятъ сестра, подаетъ инструменты и перевязочный матеріалъ. Бережно поднимаютъ раненыхъ санитары съ носилокъ и кладутъ на операционные столы. Сестры спѣшно разрѣзаютъ одежду около раненій и снимаютъ первыя повязки. Это особенно тяжелый моментъ. Какія ужасныя раны, особенно въ голову и животъ! Порою невольно отшатываются много поработавшія уже на своемъ недолгомъ вѣку сестры, лица перекашиваются, привычныя руки дрожать и опускаются въ первый моментъ... Вотъ кладутъ на столъ крупнаго парня. Все лицо забинтовано, чуть видны заплывшіе глаза, вся повязка залита кровью. Осторожно и долго разбинтовываютъ, вотъ, наконецъ, снимаютъ послѣднюю повязку. Вся правая сторона лица истерзана, безобразно торчатъ осколки челюсти, повисли выбитые зубы... Не сразу справляется съ своими нервами женщина врачъ и медленно начинаетъ промывать рану и вынимать осколки челюсти и зубы. Лицо припухло, посинѣло, дыханіе хриплое, раненый кашляетъ кровью и никакъ не можетъ отхаркаться. Тихо спрашиваетъ сестра имя и фамилію раненаго послѣ перевязки, пишетъ на маленькой записочкѣ и кладетъ ему въ карманъ. Это своего рода смертный приговоръ, и счастливъ раненый, если онъ еще не знаетъ этого. Въ перевязочной царитъ какая-то особенная тишина, всѣ поглощены однимъ великимъ дѣломъ облегченія ужасныхъ страданій, понимаютъ другъ друга безъ словъ и работаютъ молча, съ страшнымъ напряженіемъ, забывая объ усталости и снѣ. Тихо выходимъ мы изъ перевязочной, встрѣчаемъ завѣдующаго транспортомъ и его помощника. Оба серьезны и спокойны, увѣренно дѣлаютъ распоряженія, помогаютъ выносить раненыхъ изъ двуколокъ;—только изрѣдка прорывается страшное внутреннее напряженіе судорожнымъ подергиваніемъ мускуловъ лица. «Скверно», говорить Ру-

даковъ, „мало двуколокъ для перевязки раненыхъ, и нуженъ еще человекъ для надзора за доставленіемъ раненыхъ передовыхъ окоповъ“. Одинъ изъ моихъ спутниковъ, М. Н. С., тотчасъ же отправляется съ разгрузившимися двуколками въ передовые окопы, другой—С. И. П., спѣшно садится на лошадь и ѣдетъ за повозками нашего отряда. Я захожу въ палатку для перевязанныхъ уже тяжело раненыхъ. Много лежитъ ихъ здѣсь, прямо на полу, въ два ряда,—неподвижные, блѣдные, сразу осунувшіеся, съ глубоко впавшими страдальческими глазами... Часто шевелятъ они пересохшими губами и просятъ пить. Нѣкоторые мечутся въ бреду, то и дѣло сбрасывая съ себя одѣяло. Рядомъ землянка для контуженныхъ, у дверей санитаръ, землянка тускло освѣщается однимъ фонаремъ. Спрашиваю: „сколько“? „Пока сорокъ“, отвѣчаетъ санитаръ. Всѣ лежатъ, какъ-то съжившись подъ своими шинелями, и ни одного звука, ни одного движенія, точно мертвые. Выхожу наружу и жадно вдыхаю свѣжій воздухъ раннего погожаго лѣтняго утра. Уже свѣтаетъ. Нужно ѣхать домой и приниматься за обычную работу. Отыскиваю свою лошадь и медленно ѣду. Масса пережитыхъ впечатлѣній и все такихъ необычныхъ, такихъ подавляюще ужасныхъ и этотъ безпрерывный гулъ коннады и трескотня пулемотовъ сзади производятъ впечатлѣніе какого-то ада, чувствуешь себя придавленнымъ, разбитымъ...

По дорогѣ встрѣчаются отдѣльныя части, идущія на подкрѣпленіе. Спѣшно и нестройно шагаютъ солдаты съ юными прапорщиками, не до того теперь, чтобы выдерживать строй, строги и серьезны пасмурныя лица. Что переживаютъ они въ эти минуты? Быть можетъ, имъ припоминается родное село, пріютившееся гдѣ-нибудь въ ложбинѣ по надъ рѣкою;—родная хата подъ нависшими вербами, съ рѣзнымъ крыльцомъ и цвѣтущими подсолнухами въ полисадничкѣ: у

крыльца, пригорюнившись, стоит старуха мать и скорбно бесѣдуетъ съ участливыми сосѣдками все про войну и все про своего болѣзнаго сыночка; а на крыльцѣ сидитъ надъ шитьемъ молодая жена; низко, низко склонилась она—и не разберешь, шьетъ ли она такъ внимательно, или задыхается отъ подавленныхъ рыданій, а у ногъ беззаботно играютъ осиротѣвшія малыя дѣти...

Боже! Какія муки! И зачѣмъ эта кровь, эти невыразимыя страданія и эти горючія, безутѣшныя слезы въ такое ясное лѣтнее утро, когда такъ блещетъ лазурно-чистое небо, такъ свѣжъ и благоуханенъ повитый легкой туманною дымкою воздухъ и такъ нѣжна и прекрасна забрызганная утреннею рососою бархатистая зелень молодыхъ елей среди высокихъ застывшихъ сосенъ.

М. И. С.

Еще о похоронной кассы.

Недавно у насъ былъ о. Благочинный.

Привзжалъ за „благочинническія взносомъ“.

Я отдалъ одинъ рубль на бѣдныхъ духовнаго званія, рубль—на братство, рубль—по пригласительнымъ листамъ, рубль... и много еще рублей...

И это—изъ года въ годъ.

Иногда бываетъ тяжело и непріятно визитъ благочиннаго съ подобными цѣлями.

Но, разъ знаешь, что эти сборы потребуются самой жизнью, что на нихъ содержатся бѣдные и неимущіе наши собратія и разнаго рода благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, то, безъ всякихъ разсужденій, вносишь свою лепту трудовую въ общую епархіальную кассу.

Вносишь и при этомъ не считаешься съ тѣмъ—есть ли какая либо *гарантія* моихъ взносов, или нѣтъ? будетъ ли

моя семья послѣ моей смерти пользоваться тѣмъ, что я вносилъ въ епархіальную кассу, скажемъ, въ теченіи 20—30 лѣтъ или нѣтъ?

Въ данныхъ обстоятельствахъ, т. е. при взносахъ, поступаемъ по заповѣди Господней: пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаетъ правая.

Такими соображеніями нужно руководиться намъ и при взносахъ въ пользу проектируемой похоронной кассы, а не задаваться мыслями о „гарантіяхъ“, о которыхъ говоритъ о. С. Казьминъ въ своей замѣткѣ о похоронной кассѣ.

Необходимо пусть будутъ гарантіи въ другихъ дѣлахъ, но въ дѣлахъ милосердія, христіанскаго братолюбія гарантіи излишни и не позволительны.

Въ самомъ дѣлѣ. Возьмемъ такой примѣръ. Умираетъ священникъ, оставляя больную жену, трехъ малютокъ дѣтей и... *17 рублей денегъ.* Живутъ они въ общественномъ домѣ, изъ котораго черезъ мѣсяць—два ихъ попросятъ удалить.

Бѣдное семейство! Что оно должно переживать, переживать! Одинъ страхъ и ужасъ. Положеніе ихъ самое безвыходное. Даже похорониться не на что! И такихъ примѣровъ, конечно, много.

Прийти на помощь такимъ несчастнымъ во время—наша прямая обязанность, это наша послѣдняя милостыня и послѣдній долгъ своему собрату.

Такъ неужели же въ такихъ дѣлахъ намъ разсуждать и задумываться о какихъ то *гарантіяхъ.* О, Боже, избавь!

Будемъ, значить, творить милостыню съ тою цѣлью, чтобы и намъ послѣ воздали. Да не будетъ такъ.

То будетъ не братская любовь, а сухое одолженіе.

Вотъ, руководясь такими мыслями, я, при написаніи проекта похоронной кассы, и обошелъ молчаніемъ вопросъ

о томъ запасномъ капиталѣ, котораго такъ сильно желаетъ о. С. Казьминъ.

Разумѣется, чего проще—обложить духовенство огромнымъ взносомъ и готово дѣло. Но, повторяю, поступить такъ я не могъ по вышеуказаннымъ мною побужденіямъ, а во 2-хъ и потому, что, если поднять рѣчь о такомъ запасномъ капиталѣ, который бы гарантировалъ навсегда всѣ наши взносы,—это значитъ заранее похоронить еще непожившуюся на свѣтъ похоронную кассу: при настоящей дороговизнѣ жизни—духовенство едва-ли согласится сдѣлать взносъ для образованія запаснаго капитала и, слѣдовательно—вопросъ о похоронной кассѣ надолго останется открытымъ, или и совсѣмъ о немъ забудутъ, а этого не желалось бы въ виду того значенія и той пользы, какая можетъ быть отъ похоронной кассы.

Мнѣ могутъ возразить и напомнить про запасный капиталъ эмеритальной кассы.

Но, по моему мнѣнію, между похоронной и эмеритальной кассами есть большая разница; задачи и цѣли эмеритальной кассы совсѣмъ другія и, если при этой кассѣ необходимо запасный капиталъ, то свободно можно обойтись безъ него похоронной кассѣ, что мы и видимъ на примѣрахъ другихъ епархій, гдѣ давно учреждены и дѣйствуютъ похоронныя кассы.

Далѣе. О. Сер. Казьминъ въ своей замѣткѣ упрекаетъ Комиссію; составившую уставъ похоронной кассы, *въ скоростной* работѣ, отчего и замѣчаются, какъ онъ выразился, несовершенства въ уставѣ и совѣтуетъ создать новый уставъ—болѣе крѣпкій и основательный.

На это нужно сказать слѣдующее.

Во 1-хъ. Комиссія потрудила надъ составленіемъ устава похоронной кассы насколько было возможнаго; сдѣлала все зависящее отъ нея, употребивъ на это не мало вре-

мени. Работу свою Комиссія, конечно, не считает какимъ то совершенствомъ, отдавая ее всецѣло на судъ епархіальнаго съѣзда, который и обсудить уставъ, внесетъ въ него поправки, какія будутъ признаны необходимыми.

Составлять же новый уставъ — не представляется нужнымъ, потому что все уставы, по примѣру коихъ составленъ и нашъ уставъ, признаны вполне отвѣчающими своему назначенію и достигающими своей цѣли.

Во 2-хъ. Странно, что о. Казьминъ, упрекая комиссію, самъ не указываетъ — какія это несовершенства (кроме запаснаго капитала) и не даетъ никакихъ совѣтовъ, что нужно примѣнить и дополнить въ уставѣ.

Очевидно, уставъ, составленный комиссіей, не такъ еще несовершенъ...

Поэтому, отцы и братіе! Не откладывайте дѣла о похоронной кассѣ въ дальній ящикъ: время не ждетъ. Сами обстоятельства покажутъ, что нужно будетъ съ теченіемъ времени сдѣлать съ уставомъ: это всецѣло во власти духовенства.

И такъ, въ добрый часъ. Помните, что большинство съ нетерпѣніемъ ждетъ того момента, когда будетъ дѣйствовать похоронная касса, и скажетъ Вамъ *спасибо*.

Священникъ Григорій Дольскій.

Первая встрѣча Филарета и Иннокентія, митрополитовъ московскихъ.

Встрѣча эта произошла благодаря мальчику Петру Тутукину.

Отецъ Тутукина занималъ какой-то неважный постъ въ Аничковомъ дворцѣ и жилъ напротивъ него, черезъ Фонтанку, въ домѣ подворья Троице-Сергіевской лавры.

Петя Тутукинъ часто игралъ на дворѣ и въ саду под-

ворья, хорошо зналъ монаховъ, всѣ порядки и обычаи подворья.

Однажды онъ увидѣлъ, что по садику прогуливается высокій старичекъ, съ палкою въ рукѣ, и услышалъ, что это былъ московскій митрополитъ Филаретъ, пріѣхавшій въ Петербургъ для засѣданій въ Синодѣ. При этомъ мальчикъ замѣтилъ, что монахи и пѣвчіе, жившіе на подворьѣ, прячутся отъ митрополита, и если кому нужно перейти черезъ дворъ или садъ, то они дѣлаютъ это, уловивъ ту минуту, когда митрополитъ обращается къ нимъ спиною.

„Чего они боятся его?—мелькнуло въ головѣ Пети.— Вотъ мнѣ такъ вовсе не страшно. Пойду прямо къ нему навстрѣчу!“

Поровнявшись съ митрополитомъ, онъ остановился, поклонился и протянулъ руку подь благословеніе.

Митрополитъ Филаретъ также остановился, оглянулъ его, перекрестилъ и спрашиваетъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Петей.

— Чей ты сынъ?

Петя объяснилъ.

— Учишься?

— Учусь.

— А что же знаешь?

— Я умѣю читать, писать, знаю ариеметику, катихизисъ.

— А! и катихизисъ знаешь? Ну-ка скажи мнѣ что-нибудь.

Петя, не задумавшись, началъ говорить изъ краткаго катихизиса, съ самаго начало по порядку.

Филаретъ слушалъ-слушалъ, покачивая въ тактъ головою, потомъ положилъ свою руку на голову мальчика и тѣмъ остановилъ потокъ его рѣчи.

— Умница, мальчикъ, — похвалилъ онъ. — А въ церковь ходишь?

— Хожу.

— Въ какую?

— Здѣсь, на нашемъ подворьѣ.

— Что-жъ я тебя не видалъ? Ты, какъ пойдешь въ церковь, приходи прямо въ алтарь. Понялъ?

— Понялъ.

— Ну, такъ вотъ, иди себѣ съ Богомъ.

Съ той поры Петя всегда присутствовалъ въ алтарѣ при богослуженіяхъ, и митрополитъ Филаретъ всегда находилъ чемъ-нибудь поговорить съ нимъ. Находясь въ алтарѣ, Петя началъ понемногу прислуживать служившему духовенству и мало-по-малу сдѣлался своимъ человѣкомъ.

Разъ, проходя по церкви, онъ замѣтилъ въ ней священника; видимо пріѣхавшаго откуда-то издалека, который озирался кругомъ и какъ-будто чего-то искалъ.

Петя подошелъ къ нему.

— Вы, батюшка, не митрополита ли ищите? — спросилъ онъ.

— Да, голубчикъ. Я вотъ зашелъ сюда нарочно, чтобы взглянуть на владыку, и не знаю, гдѣ мнѣ встать, чтобы лучше увидеть его?

— Митрополитъ въ алтарѣ. Хотите, я доложу о васъ? Священникъ даже испугался.

— Что ты, что ты, родимый! — заговорилъ онъ, махнувъ рукою. — Такому великому владыкѣ докладывать обо мнѣ! Я хотѣлъ только поглядѣть на него. Пріѣхаль-то я издалека, съ Алеутскихъ острововъ, такъ вотъ не хотѣлось бы уѣхать отсюда обратно, не повидавъ именитаго московскаго владыку. И одѣтъ-то я какъ!

— Да это ничего, батюшка. Митрополитъ добрый. Пойдите тутъ, я ему сейчасъ екажу о васъ.

И не ожидая отвѣта, Петя побѣжалъ въ алтарь и черезъ минуты двѣ вернулся объявить неизвѣстному священнику, кто митрополитъ зоветъ его.

Взволнованный неожиданностью, отецъ Иванъ, какъ назвалъ себя священникъ, вошелъ вслѣдъ за Петей въ алтарь и преклонился предъ знаменитымъ іерархомъ.

Митрополитъ Филаретъ принялъ его ласково и началъ его спрашивать о томъ, гдѣ и какъ онъ служить... Отецъ Иванъ повѣдалъ ему, семья его живетъ въ Иркутскѣ, а самъ онъ ѣздитъ постоянно по островамъ Алеутскимъ, по Камчаткѣ, и по нашимъ американскимъ владѣніямъ, больше всего посреди алеутовъ, изъ которыхъ, съ Божьей помощью, уже успѣлъ обратить въ христіанство около семисотъ чело-вѣкъ. Теперь пріѣхалъ въ Петербургъ записаться разными книжками и другими предметами, необходимыми въ его миссіонерской дѣятельности, и затѣмъ поѣдетъ обратно продолжать проповѣдь христіанства среди дикихъ сыновъ нашей отдаленной окраины.

Митрополитъ Филаретъ выслушалъ его внимательно, похвалилъ за такую усердную и успѣшную службу и обѣщалъ съ своей стороны помочь, чѣмъ возможно. Иванъ вышелъ отъ него въ восторгѣ отъ ласковаго пріема и очень благодарилъ Петю за его, хотя и непрошенное, вмѣшательство.

Прошло послѣ того лѣтъ пять или шесть. Петя былъ уже въ гимназіи, но продолжалъ посѣщать церковь подворья и поддерживать сношенія съ духовенствомъ и съ митрополитомъ Филаретомъ, когда тотъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, какъ однажды снова увидѣлъ того самого священника, отца Ивана, котораго противъ воли познакомилъ съ митрополитомъ. На этотъ разъ отецъ Иванъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы ходатайствовать предъ Синодомъ о назначеніи архіерея въ мѣста его проповѣднической дѣятель-

ности, такъ какъ паства его изъ обращенныхъ въ христіанство алеутовъ возросла съ семисотъ человѣкъ до пятнадцати тысячъ, а потому для поддержанія ученія, укрѣпленія его и дальнѣйшаго распространенія необходимо учредить епархію, съ архіереемъ во главѣ.

Синодъ согласился съ представленіемъ отца Ивана, учредилъ епархію и сталъ предлагать мѣсто архіерея кандидатамъ на такой постъ. Но кому была охота ѣхать въ такую даль, въ настоящую глушь и дичь, гдѣ годами не встрѣтишь человѣка, съ которымъ бы можно было поговорить, не говоря уже о всякихъ нуждахъ самой неприхотливой обстановки? Поэтому всѣ кандидаты, которымъ Синодъ предлагалъ такое назначеніе, отказывались отъ него.

Тѣмъ временемъ, пока это дѣло разсматривалось въ Синодѣ, отецъ Иванъ отправился съѣздить въ Соловецкій монастырь, о которомъ много слыхалъ и читалъ и который желалъ видѣть лично.

Пока онъ молился у соловецкихъ чудотворцевъ, въ Синодѣ было получено сообщеніе изъ Иркутска для передачи отцу Ивану о томъ, что его жена скончалась. Эта неожиданная смерть, развязывала, такъ сказать, руки Синоду въ его затрудненіи пріискать архіерея для такой отдаленной и неудобной епархіи. Митрополитъ Филаретъ первый спохватился.

— Самъ Господь посылаетъ намъ указаніе, — заявилъ онъ въ первомъ же засѣданіи Синода. — Какого намъ лучше архіерея, какъ отецъ Иванъ? Онъ самъ создалъ эту епархію, онъ тамъ всѣхъ знаетъ и его всѣ знаютъ, онъ привыкъ тамъ къ климату и обычаямъ, приспособился къ тамошнему обиходу, да и наградить его слѣдуетъ за всѣ понесенные труды. Вотъ вернется онъ изъ Соловокъ, предложимъ ему.

Синодъ согласился.

Когда скромный труженикъ, отецъ Иванъ, вернулся изъ своего паломничества, Синодъ предложилъ ему принять монашескій чинъ и облечься въ архіерейскую мантию.

Върующій и набожный отецъ Иванъ увидѣлъ въ этихъ событіяхъ волю Божественнаго Промысла и, оплакавъ жену, подчинился рѣшенію Синода. Его постригли въ монашество подъ именемъ Иннокентія, а затѣмъ хиротонисали въ санъ архіерея, и, такимъ образомъ, онъ вернулся къ своей паствѣ облеченный высшею духовною властью.

Когда умеръ митрополитъ Филаретъ, то среди его бумагъ нашли бѣлый листъ, на которомъ была начертана его рукою только одна строка: „Желаю, чтобъ моимъ намѣстникомъ ¹⁾ былъ назначенъ архіерей Иннокентій“.

Этотъ листъ представили государю, который и исполнилъ желаніе усопшаго іерарха.

Когда митрополитъ Иннокентій пріѣзжалъ въ Петербургъ и принималъ являвшагося къ нему Тутукина, то часто вспоминалъ старыя годы и говаривалъ ему:

— А, вотъ поди-жь ты, вѣдь это я, почитай, тебѣ обязанъ, что занимаю теперь митрополичій престолъ въ Москвѣ. Кабы ты, бывши еще мальчикомъ, не познакомилъ меня съ митрополитомъ Филаретомъ, ему же, можетъ-быть и въ голову не пришло предложить мнѣ архіерейство, когда я овдовѣлъ. Неизвѣстно намъ, какими путями Господь ведетъ насъ ко благу! (Т. С.).

¹⁾ Малъ вѣроятное сообщеніе святитель Филаретъ, дѣйствительно, говорилъ А. Н. Муравьеву, что онъ признаетъ архіеп. Иннокентія желательнымъ преемникомъ своимъ, но записки такой не могло быть уже просто потому, что м. Филаретъ не могъ употребить слова «намѣстникъ» вм. «преемникъ» да слово „архіерей“ замѣнилъ бы обычнымъ у него словомъ «пресвященный».

Я с л и.

Въ прежніе годы, когда не было такого дробленія семей, каковое наблюдается въ настоящее время, потребность въ призрѣніи дѣтей въ лѣтнюю рабочую пору, не такъ остро чувствовалась. Не то теперь, когда большинство семей состоитъ изъ одной супружеской четы съ дѣтьми. Отцы на войнѣ, а матерямъ сугубо приходится работать въ полѣ за себя и за своихъ мужей. Оставить дѣтей дома безъ присмотра—могутъ чего либо натворить во вредъ себѣ и сосѣдямъ. Безъ присмотра отъ дѣтей лѣтомъ пожары. Безъ присмотра съ самими дѣтьми случаются всевозможныя несчастія. Взять дѣтей съ собой въ поле—помѣха въ работѣ. Въ высшей степени полезное и необходимое въ такихъ случаяхъ въ рабочую страду учрежденіе для дѣтей „яслей“. — Какъ ко всякому новшеству народъ относится съ начала какъ бы съ недоврѣемъ и подозрѣемъ.

Когда же увидить, что въ ясляхъ за ихъ дѣтьми хорошій уходъ, присмотръ и ласка, то съ удовольствіемъ помѣщаютъ дѣтей и просятъ объ открытіи ихъ.

Пишутъ и разсуждаютъ въ настоящее время о реформѣ прихода, объ оживленіи церковно-приходской жизни. Въ чемъ же должно проявиться оживленіе церк.-приход. жизни? Если пастырь прихода найдетъ средства, подыщеть религіозно настроенныхъ лицъ для воспитанія, присмотра и ухода за дѣтьми въ ясляхъ, если онъ это дѣло милосердія и любви къ ближнимъ осуществитъ и проведетъ подъ покровомъ Церкви, принимая руководящее дѣятельное участіе въ немъ, располагая и прихожанъ принимать въ немъ участіе трудами, пожертвованіемъ или сочувствіемъ, если онъ этимъ учрежденіемъ воспользуется для воспитанія подросткающаго поколѣнія своихъ прихожанъ въ духѣ Православной Церкви, то это, по нашему мнѣнію, и будетъ нѣкоторая ча-

стица оживленной церковно-приходской жизни. Человѣкъ— это деревцо въ саду, чтобы получить отъ него плоды, необходимо мудрый, бдительный и постоянный уходъ за нимъ отъ начала и до конца его жизни. Отсутствие плодовъ или плохіе плоды свидѣтельствуютъ о плохомъ уходѣ и воспитаніи его.— Учрежденіе яслей въ селахъ пока дѣло новое и не всѣмъ знакомое. Нѣкоторые изъ пастырей прихода не находятъ необходимымъ и возможнымъ осуществлять его въ церковно-приходской жизни.

Что оно необходимо вообще всегда, а въ настоящее время отечественной войны въ особенности, это можно видѣть изъ вышеизложеннаго. Находятъ невозможнымъ открывать ясли якобы за отсутствіемъ средствъ. По нашему мнѣнію—это мнимыя препятствія и стоитъ только взяться за это дѣло и съ Божіей помощію, найдется все необходимое по слову нашего Спасителя: „ищите и обряцете“. Средствъ на это не потребуется много. Если достаточно средствъ не окажется, то можно и безъ нихъ обходиться, особенно въ селахъ.

Нужны-то собственно не деньги, а продукты для пропитанія дѣтей. Не безъ добрыхъ людей въ приходѣ—найдутся такіе прихожане, кои пожертвуютъ коврегу хлѣба, кувшинъ молока, крупъ, картофелю и т. п., а на остальное немного потребуется. Церковно-приходскія попечительства, гдѣ существуютъ, могутъ дать необходимую помощь деньгами. Наконецъ, если на мѣстѣ средствъ не окажется, то можно найти помощь со стороны отъ благотворителей или благотворительныхъ учреждений: „просите и дастся“. Необходима при этомъ посуда кухонная, столовая, чайная, для стирки бѣлья, для купанья дѣтей.

Хорошо конечно имѣть свое. За неимѣніемъ же своего мы просили на временное пользованіе у прихожанъ. Когда же средства нашлись, то были пріобрѣтены въ собственность

церк.-приход. П—ства весь необходимый инвентарь, коимъ теперь ежегодно пользуемся въ ясляхъ и при устройствѣ въ школѣ горячихъ завтраковъ. Кухня—при школѣ. При ней же помѣщеніе для дѣтей, столовая и спальня. Слѣдовательно, квартиры не нанимать. Что касается мебели, то въ школѣ все необходимое найдется. Для ночлега, если бываетъ, въ немъ необходимость, приносятся матерями постели, а для малютокъ — качки или люльки. Школьные парты или скамьи можно приспособить вмѣсто кроватей. Руководствуясь вышеизложеннымъ, въ с. Красномъ Коротоякского уѣзда при церк.-приход. школѣ были открываемы ясли для дѣтей въ 1915 и 1916 г. во время уборки ржи. Не было специально для яслей предназначенныхъ средствъ. Явилась рѣшимость настоятеля церкви—нашлись средства и люди, необходимыя для сего учрежденія. Были пожертвованія отъ прихожанъ продуктами и денежные средства отъ Уѣздной Елисаветинской Комиссіи и церковно-приходскаго Попечительства. Если оцѣнить все употребленное на содержаніе яслей, то получится: въ 1915 г. израсходовано 40 р. въ 1916 г. — 50 руб. На покупку самовара, чайной, кухонной, столовой посуды и бѣлья потрачено 35 руб.

Въ 1915 г. за 16 дней перебивало 200 дѣтей, а въ 1916 г. — 250 дѣтей за 10 дней. Завѣдующими по хозяйственной части были жена священника и жена псаломщика. Надзоромъ за дѣтьми и по учебно-воспитательной части занимались дочь псаломщика, воспитанница VII кл. Воронеж. Епарх. жен. училища и учительница церк.-приход. школы. Послѣднія три, когда явилась возможность, получили плату, первая же бесплатно и кромѣ того по мѣрѣ возможности принимала участіе въ надзорѣ за дѣтьми и въ развлеченіи ихъ, одѣляя ихъ по временамъ лакомствами и оказывала имъ врачебную помощь при небольшихъ заболѣваніяхъ. Въ общемъ же серьезныхъ заболѣваній не было. Для пригото-

вленія пищи, кормленія, купанія ихъ, для стирки бѣлья были наняты кухарка и няня. Въ 1916 г. дѣти приводились съ 6 по 18 іюля за исключеніемъ праздничныхъ и дождливыхъ дней. Въ числѣ дѣтей призрѣвалась безпомощная старуха, мать война, находящагося въ арміи, полуразбитая параличемъ, съ своими внучатами. Въ продолженіи дня утромъ давался горячій завтракъ и чай съ бубликами или бѣлымъ хлѣбомъ, днемъ обѣдъ изъ двухъ кушаній, въ 4 ч. чай, вечеромъ ужинъ изъ двухъ кушаній, коимъ иногда пользовались матери, приходившія вечеромъ за дѣтьми. Иногда дѣти были оставляемы на ночлегъ матерями по случаю поздняго возвращенія съ полевыхъ работъ, что доставляло большія удобства для матерей и дѣтей. Дѣти были въ возрастѣ отъ 1 до 9 лѣтъ. Съ дѣтьми болѣе взрослыми священникомъ и надзирающими велись бесѣды по Закону Божію, обученіе со словъ молитвамъ, знакомству съ природой, міромъ животныхъ, въ видахъ воспитанія ихъ,—наравоучительнымъ чтеніемъ и бесѣдами, пріучали ихъ къ чистотѣ, къ вѣжливости въ обращеніи съ людьми, слѣдили, чтобы у всѣхъ были натѣльные крестики, неимѣющимъ раздавали, бѣднѣйшимъ выдавалось необходимое изъ бѣлья или платья, подъ праздники болѣе взрослыхъ водили къ вечернѣ, пріучая ихъ къ благоговѣйному стоянію въ храмѣ Божіемъ. Днемъ же кромѣ того устраивались игры и иногда раздавались имъ лакомства. Стоимость содержанія яслей въ 1916 г. при настоящей дороговизнѣ всего—50 руб. Изъ нихъ уплачено женѣ псаломщика 2 руб. 2 надзирательницамъ по 5 руб., кухаркѣ и нянѣ по 3 р.—18 руб. 32 р. это стоимость употребленныхъ чаю, сахару, крушъ, бѣлаго и чернаго хлѣба, молока, масла, картофелю, дровъ и т. п.—Какъ и всякое начинающееся культурно-просвѣтительное дѣло, напр. школьное, въ началѣ распространяется не въ большихъ размѣрахъ. Желających отдавать въ школу для обученія дѣтей въ началѣ было не много и таковыми являлись болѣе зажиточные родители. Въ ясли же отдаютъ дѣтей болѣе нуждающіеся. Довольно продолжительное время научило поселянъ богатыхъ и бѣдныхъ отдавать дѣтей въ

школу, чему мы очевидцы. Тоже должно быть и съ яслями. Пока число открываемыхъ яслей не такъ многочисленно, а равно и призрѣваемыхъ въ нихъ. Когда же сознаютъ и убѣдятся въ необходимости учрежденія ихъ для закладки, такъ сказать, фундамента воспитанія въ духѣ Православной Церкви, какъ учредители, такъ и тѣ, для коихъ онѣ учреждаются, ясли должны получить всеобщее расиространеніе и послужить колыбелью и началомъ оживленія церковно-приходской жизни. Въ настоящее время кромѣ того онѣ должны имѣть показательное значеніе для накопленія опыта и приобрѣтенія навыка. Намъ же служителямъ св. Церкви не слѣдуетъ съ этимъ дѣломъ запаздывать, чтобы и съ нимъ не произошло того, что происходитъ теперь съ школою.

Священникъ Димитрій Александровъ.

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Поученіе въ 15 ю недѣлю по Пятидесятницѣ.
Конспекты лекцій по Закону Божию, читанныхъ законоучителемъ второй Воронежской мужской гимназій протоіереемъ Евграфомъ Овсяниковымъ на лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ въ гг Новохоперскѣ, Нижнедѣвницѣ, Бобровѣ и Острогжскѣ, Воронежской губерніи
Благочинническій Съѣздъ 2-го округа Нижнедѣвницкаго уѣзда.—*Со шестника Григорія Лебедева*
Изъ впечатлѣній на фронтѣ.—*М. И. С.*
Еще о похоронной каскѣ.—*Священника Григорія Дольскаго.*
Первая встрѣча Филарета и Иннокентія, митрополитовъ московскихъ, Ясли.—*Священника Димитрія Александрова.*

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи *Архимандритъ Серафимъ.*

Печатать дозволяется. 11 сентября 1916 г. Цевзоръ Протоіерей А Сласскій.

Воронежъ. Типо-Лит. «Т-ва Н. Крайцовъ и К^о», Б. Дворянская ул., д. Сомови.